

Ранним утром за окном ещё брезжил рассвет, дыша лёгкой прохладой.

Тун Янь отполировал письменный стол в кабинете так, что на лакированной поверхности можно было разглядеть собственное отражение. Шёл десятый день его жизни под одной крышей с Не Чжэном. Мальчишка считал: если бы существовал конкурс на умение пригреться под крылышком у богатого покровителя, он без труда взял бы гран-при. После той памятной беседы и «трёх правил» попытки пробраться под одеяло пришлось временно оставить.

И дело было вовсе не в том, что он струсил. В искусстве обольщения главное — вовремя проявить чутьё. Раз уж сам покровитель открыто указал ему верную дорогу, глупо ломиться напролом.

Каждый день Тун Янь наряжался так, чтобы выглядеть свежим, юным и невинным, и нарочно мелькал перед глазами Не Чжэна, попутно посылая многозначительные взгляды. Так он напоминал мужчине: «Ничего страшного, если ты пока не решился. Как созреешь — дай знать».

В конце концов, холодность со стороны Не Чжэна — законная привилегия спонсора. Но если бы Тун Янь безропотно с ней смирился, за все эти дни они не перекинулись бы и парой слов. Чтобы подняться на вершину с чужой помощью, гордость нужно уметь прятать.

Отложив тряпку, Тун Янь заметил на углу стола книгу. В последние дни Не Чжэн каждое утро проводил за ней не меньше часа.

Простой синий переплёт, классическое оформление, а на обложке — вертикально выведенные иероглифы: «Сенсационные слова, пробуждающие мир».

М-да. По одному названию сразу виден постный, набожный вид хозяина кабинета. И не надоедает же ему каждое утро начинать с нравоучений?

Из чистого любопытства Тун Янь потянул за закладку и раскрыл книгу.

На первой же странице взгляд наткнулся на название главы: «Продавец масла единолично владеет королевой цветов».

«...?! Королева цветов? Это ещё что за чертовщина?»

Он пробежал глазами случайный абзац: «В пятую стражу Мэйнян очнулась от хмеля и поняла, что хозяйка борделя обманом лишила её невинности...»

«...?! Древнекитайская эротика?»

Тун Янь поспешно захлопнул книгу и вернул её на место. Так и знал: у господина покровителя весьма богатый внутренний мир.

Закончив уборку, Тун Янь прикинул время — мужчина должен был вот-вот прийти. Он подошёл к книжному шкафу, поправил футболку, слегка заправив её за пряжку ремня. Буквально через секунду дверь тихо скрипнула, и в кабинет неспешно вошёл Не Чжэн.

Тун Янь поздоровался, как ни в чём не бывало:

— Господин Не.

Мужчина мазнул по нему оценивающим взглядом и коротко бросил:

— Угу.

В последние недели Не Чжэну казалось, будто перед ним каждое утро разыгрывают театральное представление. Сегодня Тун Янь выбрал образ невинного студента: белая футболка, джинсы, гладкие чёрные волосы спадают на лоб. Тонкое лицо с заострённым подбородком выглядело совсем юным, глаза блестели, как мокрая тушь, а губы алели на фоне белых зубов — само послушание.

Однако свободная футболка, небрежно заправленная за ремень, ломала образ скромника, подчёркивая невероятно длинные, стройные и поджарые ноги. Облегающий деним выгодно очерчивал рельефные мышцы. Это было откровенно, дразняще и чувственно. Очередная роль маленького проказника.

«Как там это называется? Детское личико... и далее по тексту?»

Не Чжэн отвёл взгляд, взял книгу и устроился в своём кресле у окна. К чужим актёрским этюдам он уже успел привыкнуть.

Впрочем, поводов для беспокойства не было. Парень больше не пытался пробраться к нему в постель. Он продолжал настойчиво крутиться рядом, но чувствовал грань и не переступал её. Во время утреннего чтения Тун Янь привлекал к себе внимание лишь в момент приветствия, а после тихо прибирался у шкафа и бесшумно исчезал.

Что же до постоянных попыток соблазнения и заигрываний — если держать себя в руках, то пережить это можно. Со временем мальчишке просто надоеет эта игра.

Казалось, они постепенно пришли к мирному сосуществованию.

Однако сегодня Тун Янь не желал мира. Упустить шанс подразнить серьёзного покровителя, читающего пикантные истории? Ну уж нет.

Делая вид, что усердно протирает полки, он спросил:

— А что за книгу вы читаете?

— Повесть на разговорном языке, — лаконично отозвался Не Чжэн.

— О чём она?

— О жизни горожан эпохи Мин.

— А если точнее? О ком именно?

Тун Янь завёл руку за спину и нетерпеливо зашевелил пальцами. Будь у Не Чжэна волшебное зеркало, он бы непременно разглядел виляющий лисий хвост за спиной мальчишки.

Не Чжэн относился к литературе серьёзно. Услышав живой интерес в голосе юноши, он удивился. В его голове промелькнула неожиданная мысль. Мужчина поднял взгляд:

— Хочешь почитать?

Тун Янь мысленно возликовал. Почитать вместе пикантные сцены? Обсудить подробности? Глядишь, и искра проскочит! Он закивал, как лисёнок, мечтающий о спелом винограде:

— Хочу.

Не Чжэн поднялся. Кто бы мог отказать подростку, тянущемуся к знаниям?

Тун Янь замер, чувствуя, как его накрывает высокая тень мужчины. Сердце радостно затрепетало.

Однако Не Чжэн опустил руку и отложил «непристойную» повесть в сторону. Вместо неё он дотянулся до верхней полки, достал один увесистый том, затем второй, третий и протянул стопку Тун Яню:

— Новая картина режиссера Лю посвящена Ся Цзи. Тебе стоит подготовиться и изучить исторический контекст.

«Хроники Цзо», «Роман о Восточной Чжоу»...

Тун Янь онемел.

«Где моя эротика?»

Он растерянно открыл одну из книг. Девяносто девять процентов иероглифов были ему знакомы, но, собранные вместе, они превращались в нечитаемую абракадабру древнекитайского слога.

Не Чжэн проявил заботу:

— Вот версии с комментариями и переводом на современный язык. Читай их параллельно. Со временем начнёшь понимать оригинал.

«Ты прав, конечно же, ты всегда прав»

Он послушно принял книги и натянул самую радостную улыбку, на которую был способен:

— Господин Не, вы сами всё это прочитали?

— По большей части да, — ответил Не Чжэн, забирая свою книгу и возвращаясь к креслу.

Тун Янь тоскливо воззрился на страницы, пестрящие архаичными оборотами.

«Как так-то? Ты же наполовину иностранец!»

Ладно, раз уж покровитель доволен, придётся читать. Но хитрый лисёнок всё ещё надеялся выгадать хоть какую-то пользу:

— А если я чего-то не пойму, можно у вас спросить?

Не Чжэн прекрасно понимал, что мальчишка просто ищет повод побыть рядом, но возражать не стал:

— Можно. Унеси ведро и садись здесь.

В целом Не Чжэн остался доволен своим решением. Ему давно следовало усадить парня за книги. Спасение трудом и учением — проверенный метод воспитания оступившихся подростков.

Эпоха Вёсен и Осеней — время благородных мужей и изящных искусств. Пусть законы джунглей современного мира сделали те идеалы устаревшими, Тун Яню с его полным отсутствием моральных ориентиров такое чтение пойдёт на пользу.

Сам Тун Янь рвения покровителя не разделял. Зачем актёру забираться в дебри истории, если есть сценарий? Но спустя пять минут молчаливого сидения друг напротив друга, глядя на сосредоточенный профиль Не Чжэна, он вдруг задумался о другом.

Раньше он уверял мать, что Не Чжэн добился всего лишь благодаря богатой семье. Теперь он понимал, как ошибался. Жизнь этого человека подчинялась строжайшей дисциплине. Он умудрялся руководить огромным бизнесом и при этом находил время читать самые сложные книги каждое утро.

Чёрт, от этой мысли становилось не по себе. Такой богатый человек не позволяет себе лениться ни дня, а он, нищий оборванец, даже догнать его не может.

От зависти и досады Тун Янь растерял весь пыл. Он уткнулся в текст, пытаясь разобраться в вещах, которые раньше его совершенно не волновали.

Но как даётся учёба ребёнку, выросшему на улице без всякого присмотра?

Первые двадцать минут Тун Янь держался: «Так, ладно, понятно... Скучно. Но надо читать. Надо...»

Спустя полчаса: «Какая тоска... Ничего не понимаю, надо лезть в словарь... Солнце сегодня яркое... Не Чжэн так сосредоточен... Который час? Скоро в офис? Ой, а что у меня с ногой?»

Когда Не Чжэн закрыл книгу и повернулся, его взору предстала картина: Тун Янь держал фолиант перед лицом, но взгляд его косил мимо страниц — прямо на собственные босые ноги в шлёпанцах. Парень старательно сводил стопы вместе и увлечённо шевелил пальцами.

Не Чжэн вздохнул. И впрямь, артист одного актера.

Он бесшумно поднялся, подошёл к юноше и замер над ним:

— Ноги интереснее книги?

Тун Янь даже не поднял головы:

— Да нет, просто смотрю — у меня тут косточка не выпирает? Что-то разболелась.

У Не Чжэна от такой непосредственности перехватило дыхание:

— На мой взгляд, всё нормально. Книга интересная?

Тун Янь подскочил на месте, пытаясь замаять неловкость:

— Очень интересная! Господин Не, вы уверены, что с ногой всё в порядке? Болело прямо сильно.

Не Чжэн молча развернулся и вышел. В этот момент он дал себе зарок: никогда не заводить

детей. Если родится такой же сорванец, инфаркт обеспечен.

Он твёрдо решил, что с такими оболтусами нужно держать строгость. Все последующие дни Тун Янь послушно сидел в кабинете под его присмотром.

Стоило Не Чжэну обернуться через полчаса, как он снова заставлял парня витающим в облаках. Раздался громкий, предупреждающий кашель.

Тун Янь вздрогнул, взъерошил волосы и мысленно выругался. Похоже, к своим восемнадцати годам он обзавёлся бракованными мозгами.

Впрочем, даже с дефицитом внимания Тун Янь обладал неоспоримым достоинством — безупречной внешностью. Спустя три недели мучений пришло время съёмок для промо-материалов к новой картине режиссера Лю.

На съёмочную площадку его сопровождал директор Чжэн. В студии было не протолкнуться. По негласному правилу первыми снимали именитых актёров. Одетый в тяжёлый костюм Тун Янь прождал своей очереди двадцать минут, затем сменил образ и снова долго сидел в ожидании.

Рассматривая мелькающие вокруг лица звёзд экрана, он так и не заметил исполнителя главной роли и кумира своего детства — Лин Цинхуа. Разочарованный Тун Янь спросил у директора Чжэна:

— А учитель Лин Цинхуа не приедет?

Директор Чжэн окинул взглядом его наряд — просторные белые одежды с широкими рукавами, делающие юношу похожим на изящное нефритовое дерево, — и загадочно произнёс:

— Он величина первой величины, имеет право покапризничать. Со временем привыкнешь. Радуйся, что его сегодня нет.

Неподалёку чужие ассистенты уже всюю контролировали работу ретушёров. Тун Янь заволновался:

— Может, и нам стоит взглянуть на снимки?

— Даже если мы сделаем из тебя писаного красавца, сейчас это никого не взволнует, — отмахнулся директор Чжэн. — Оставим как есть. Для новичка полезно начать скромно, чтобы потом выстрелить.

«Сам ты скромный», — подумал Тун Янь, но спорить со старшим не решился.

Однако на обратном пути директор Чжэн вдруг с загадочным видом выудил из кармана две распечатанные фотографии:

— А знаешь, вышло действительно недурно.

Увидев яркие кадры, Тун Янь просиял и бросился к нему:

— Покажите! Ну покажите же!

Директор Чжэн поднял руку со снимками высоко над головой:

— Эти фотографии — секретные материалы, их нельзя разглашать... Ладно, назовёшь меня старшим братом — отдам.

— Обойдётся! — Тун Янь в один прыжок выхватил снимки у него из рук.

Это были его первые настоящие профессиональные фотографии. На одной он позировал в длинных одеждах, на другой — в доспехах. Тун Янь казался себе невероятно красивым и живым. Он просто не мог утерпеть и весь вечер сжимал снимки в руках, дожидаясь возвращения Не Чжэна.

Всё прошло как обычно. Машина затормозила у дома, и Тун Янь тут же выбежал на дорожку:

— Господин Не.

На этот раз он не улыбался во весь рот, а прятал руки за спиной, стараясь напустить на себя суровый вид.

Не Чжэн направился к дому:

— Что-то хорошее случилось?

Тун Янь промолчал, дождался, пока они войдут в гостиную, и только тогда резко протянул фотографии. Он держался прямо и гордо, но искоса наблюдал за реакцией мужчины.

Не Чжэн взял снимки. Тун Янь действительно обладал лицом, способным прокормить владельца без всякого труда.

Но при детальном рассмотрении что-то резало глаз. На фото юноша в доспехах выглядел мужественно и красиво, но в его позе не было и капли благородства. Меч небрежно закинут на плечо, подбородок вызывающе задран, в зубах — какая-то травинка. Разбойник, да и только.

Сам себе режиссёр.

Не Чжэн хотел было сделать замечание, но, увидев сияющие, полные надежды глаза парня, решил не портить ему момент. В конце концов, съёмки ещё даже не начались.

Но как бы он ни старался скрыть эмоции, мимолётное движение бровей не укрылось от Тун Яня.

Улыбка юноши угасла:

— Что-то не так?

— Ты играешь аристократа. Почему ты выглядишь как казарменный разбойник? — прямо спросил Не Чжэн.

Тун Янь с облегчением выдохнул. Покровитель явно не читал сценарий и всё перепутал:

— Да нет же, он не аристократ. Он слуга в доме придворного лекаря. Характер у него наглый, вольный. Потом он уходит на войну, совершает подвиги и только в походах набирается этой казарменной разгульности.

Значит, книги мальчишка всё-таки не читал. Не Чжэн терпеливо пояснил:

— В ту эпоху право служить в армии имели только благородные. Твой персонаж — вассал, а не бесправный раб. Низшие аристократы — всё ещё аристократы. В те времена знать дорожила своим достоинством больше жизни. Ни один из них не позволил бы себе выглядеть как уличный сброд. Одно фото — полбеда, но на съёмках следи за этим.

Тун Янь лишился дара речи. Теперь понятно, почему второй костюм был таким изысканным.

— Теперь понимаешь, зачем актёру книги? — спросил Не Чжэн.

Юноша растерянно кивнул.

— Будешь ещё витать в облаках во время чтения?

Тун Янь сник. Вспомнив свои тщетные попытки сосредоточиться, он признался:

— Я не нарочно. Книги такие скучные. Меня хватает максимум на полчаса, а потом мысли сами улетают, ничего не могу поделать.

Это была чистая правда. Стоило ему открыть фолиант, как в его душе срывался с привязи дикий табун коней, уносясь куда-то вдаль, и Тун Яню стоило огромных усилий вернуть мысли обратно.

— Максимум полчаса? — взгляд Не Чжэна смягчился.

Тун Янь почувствовал неладное и тут же исправился:

— Ну... тридцать пять минут?

Глядя на его совсем ещё детское лицо, Не Чжэн растерял всю строгость.

— В этом нет твоей вины. Это упущение тех, кто тебя воспитывал. У вас дома в детстве было очень шумно? Постарайся справиться с этим.

Эти слова прозвучали мягко, но Тун Янь застыл, словно парализованный. Когда он снова двинулся с места, его плечи поникли, и Не Чжэн быстро обогнал его на несколько шагов.

Тем временем мужчина взглянул на второй снимок и замер в изумлении.

Высокий, статный юноша стоял на фоне сочной зелени бамбуковой рощи. Белые одежды свободно струились по его телу, а лицо казалось почти неземным, чувственным и завораживающим. Чётко очерченные брови добавляли образу мужественности, лишая его всякой женственности. Он выглядел как прекрасный лис-оборотень, сошедший со старинного свитка.

Не Чжэн поспешно отвёл глаза и обнаружил, что остался один. Оглянувшись, он увидел, что Тун Янь догоняет его лёгким бегом. Поравнявшись с ним, парень нацепил привычную наглую ухмылку:

— Господин Не, я к себе. Доброй ночи! — выпалил он на одном дыхании и вихрем скрылся за дверью своей комнаты.

Не Чжэн так и остался стоять со снимками в руках, не понимая, что произошло.

За закрытой дверью Тун Янь, даже не зажигая свет, опустился на пол у окна.

Не Чжэн оказался чертовски прав. Его взгляд читал людей как открытую книгу.

В детстве действительно было шумно. Но откуда взяться тишине в квартале красных фонарей?

Узкая улочка, где караоке-бары и дешевые парикмахерские жались друг к другу. С наступлением сумерек неоновые вывески превращали улицу в логово неоновых демонов, а грохот музыки сливался в сплошной, сводящий с ума гул. Тун Яньнянь не решалась оставлять его одного в пустой квартире, поэтому каждый день, с обеда и до глубокой ночи, он проводил в этих заведениях.

Самое яркое воспоминание детства — маленький деревянный стульчик, который ставили для него за стойкой бара. Он сидел там и сквозь стеклянную дверь разглядывал бесконечную череду ног в колготках: чёрных, телесных, изящных и уродливых...

Тогда он едва доставал головой до коленей Тун Яньянь. И когда видел, что мать собирается уйти в один из кабинетов с очередным гостем, он изо всех сил вцеплялся в её подол.

— Мама... не уходи.

— Глупыш, будь хорошим мальчиком. Мама выпьет с дядей, выйдет и купит тебе вкусную куриную ножку.

— Мне ничего не нужно, только не уходи. Кто этот дядя?

— Просто друг. Сиди смирно, завтра куплю тебе обновку.

Мальчик рос удивительно красивым, и обитатели заведения обожали дразнить его с жестоким азартом:

— Эй, малец, твоя мамка пошла кувыркаться с мужиком, бросила тебя!

Тогда он ещё не понимал истинного значения этих слов, но интуитивно чувствовал беду. Он злился, швырял в обидчиков тяжёлые пепельницы и дрался со слезами на глазах.

Позже, когда он пошёл в школу, мерцающие экраны в холле бара всегда казались ему гораздо интереснее скучных учебников.

— Сорванец, чего уставился? Уроки сделал?

— Не умею.

— Не умеешь — учитель по рукам надаёт.

— Ну и пусть. Подумаешь, пара шлепков.

В баре раздавался дружный хохот: «Ну и проныра растёт!»

Тун Янь долго сидел на полу. Чтобы поймать лицом тусклый лунный свет, пробивающийся сквозь стекло, приходилось сильно вытягивать шею.

Он и сам не знал, есть ли связь между его неспособностью сосредоточиться на книгах и тем детским шумом. Но факт оставался фактом: он был уличным отродьем, выросшим в притоне. Видимо, происхождение — это клеймо, которое въедается под кожу раз и навсегда.

Он знал, что профессия матери вызывает лишь презрение. И всё же его детство было

счастливым. Одинокая женщина сделала всё возможное, чтобы вырастить его. Тун Яньнянь отдала ему всё, что у неё было.

Он не смел осуждать её. И никто другой не имел на это права!

На следующее утро Тун Янь так и не появился за завтраком. Не Чжэн промолчал, но секретарь Юань Люи поспешила пояснить:

— Сяо Тун ушёл рано утром, чтобы забрать сценарий. Всю работу по дому он закончил ещё на рассвете.

Вечером Не Чжэн вернулся раньше обычного. Застав шефа в одиночестве перед телевизором в гостиной, секретарь Юань Люи не поверила своим глазам. В обычные дни Тун Янь уже всюду увивался бы вокруг него.

Она с изумлением спросила:

— И вы один?

— А с кем ещё? — бесстрастно отозвался Не Чжэн, не отрывая взгляда от экрана. Но в душе закралось сомнение: неужели он вчера перегнул палку?

Обычно, если кто-то из его окружения переходил границы, Не Чжэн умел поставить человека на место. Но Тун Янь вчера не сделал ничего предосудительного, а обижать парня без причины мужчина не хотел.

Спустя полчаса Не Чжэн всё же поднялся наверх. Захватив фотографии, он постучал в дверь комнаты Тун Яня.

Дверь открылась почти сразу. Тун Янь застыл на пороге. В его глазах на мгновение промелькнуло удивление, но лицо тут же озарила привычная дерзкая ухмылка.

Не Чжэн проигнорировал эту маску:

— Я могу войти?

Улыбка Тун Яня стала ещё шире.

«Конечно, входи. Да ты хоть внутрь меня войти можешь, я только за»

<http://bllate.org/book/18307/1755437>